

Сосковец Любовь Ивановна, Гурьева Ирина Юрьевна, Булахова Наталья Михайловна
ИДЕОЛОГИЯ НАЦИОНАЛИЗМА В ЯПОНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ КОНЦА XX - НАЧАЛА XXI ВЕКА

В статье выявляются доминирующие тенденции в осмыслении феномена национализма в современной японской историографии и проводится сравнительно-сопоставительный анализ различных подходов к исследованию данной темы. Анализируются используемый авторами изучаемых работ методологический инструментарий и его познавательные возможности. Это позволяет проследить и проанализировать особенности осмысления феномена национализма в Японии в настоящее время учёными, придерживающимися различных научных направлений.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/6-2/41.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 6(68): в 2-х ч. Ч. 2. С. 167-171. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

- Доброму Асклепию, Матери богов и Хигии от ветерана Марка Аврелия, префекта легиона XIII Гемина. Надпись откопана в Дакии [Ibidem, № 3845].

- Асклепию, Аполлону, Диане и Сильвану. Надпись обнаружена в Риме [Ibidem, № 3537].

Как можно увидеть, приведенные источники полностью подтверждают тот факт, что западная часть Римской империи не имела, в отличие от восточной, специализированных заздравных культов. На Западе и в Италии функции богов-целителей исполняли самые различные божества. Те немногие надписи, которые посвящены Асклепию, Хигии и Телесфору, поставлены либо в Дакии, которая была пограничной между западом и востоком провинцией, либо выходцами из восточных провинций в западной части Империи и преторианцами в Риме, которые со времен Тиберия набирались из восточных, прежде всего балканских, провинций. Следует отметить, что римские воины, бывшие жрецами практически всех римских богов, никогда не выступали, в отличие от гражданского населения Империи, в качестве священнослужителей в греческих культах [4, с. 147].

Список литературы

1. **Влахов К.** Новые фракийские эпитеты Асклепия и их толкование // *Studia Thracica*. 1975. Vol. I. С. 206-213.
2. **Геров Б.** Романизм между Дунава и Балкана // *Годишник на Софийски университет. Филологически факултет*. 1952/53. № 47/48. С. 307-415.
3. **Добруски В.** Археологически издирания в Западна България // *Сборник на народни умотворения*. 1890. Вып. II. С. 3-111.
4. **Соловьянов Н. И.** Римская армия и жречество // VI чтения памяти профессора В. Д. Блаватского. М.: РАН, Институт археологии, 1999. С. 143-147.
5. **Штаерман Е. М.** Мораль и религия угнетённых классов Римской империи. М., 1961. 186 с.
6. **Dessau H.** *Inscriptiones Latinae selectae*. Ed. 2. Berlin: Weidmann, 1954-1955. Vol. I-III.
7. **Inscriptiile antice din Dacia si Scythia Minor. Seria 2: Inscriptiile din Scythia Minor.** Bucureşti, 1975-1980. Vol. 1-5.
8. **Kazarov G.** *Antike Denkmaler in Bulgarien* // *Archeologischen Anzeiger*. 1927. Bd. XVII. S. 1-125.
9. **Mikhailov G.** *Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae: vol. I-V. Serdicae, 1956-1980. Vol. 3. Inscriptiones inter Haemum et Rhodopem repertae, fasc 1. Territorium Philippopolis*. 1203 s.

GREEK CULTS IN THE ROMAN ARMY'S PANTHEON IN THE I-III CENTURIES. ASCLEPIUS

Solov'yanov Nikolai Ivanovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev
nikolai_solovyanov@mail.ru

The article analyzes the specifics of the votive (dedicatory) monuments of the Roman warriors of the principate period (the I-III centuries) that were erected to gods in acknowledgement of recovery (*pro salute*). There are no special studies on these problems both in domestic and foreign historiographies. The author emphasizes that warriors' dedications, in contrast to civilians' inscriptions, contained significant traits of Romanization.

Key words and phrases: the Roman army's religion; Greek cults; principate; Asclepius; Aesculapius; legions; subsidiary troops.

УДК 172.15:930.1(520)

Исторические науки и археология

В статье выявляются доминирующие тенденции в осмыслении феномена национализма в современной японской историографии и проводится сравнительно-сопоставительный анализ различных подходов к исследованию данной темы. Анализируются используемый авторами изучаемых работ методологический инструментарий и его познавательные возможности. Это позволяет проследить и проанализировать особенности осмысления феномена национализма в Японии в настоящее время учёными, придерживающимися различных научных направлений.

Ключевые слова и фразы: национализм; культурный национализм; нихондзинрон; историческая память; национальная идентичность; компаративистский подход.

Сосковец Любовь Ивановна, д.и.н., доцент

Гурьева Ирина Юрьевна

Булахова Наталья Михайловна

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

regionoved@mail.ru

ИДЕОЛОГИЯ НАЦИОНАЛИЗМА В ЯПОНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

Япония является одной из стран, где идеология национализма имеет достаточно глубокие исторические корни. В прошлом этой страны выделяются две эпохи, которые однозначно можно именовать «эрами национализма». Это эпоха Мэйдзи, давшая начало процессам модернизации, и эпоха Сёва (время правления

императора Хирохито, с 1926 по 1989 гг.). В это время японский национализм, утвердившийся во время эры Мэйдзи в качестве силы, консолидирующей нацию, трансформировался в идеологию агрессии и милитаризма, память о котором жива в сознании соседних Китая и Южной Кореи и по сей день, поскольку эти два государства наиболее пострадали от японских экспансионистских устремлений.

Вместе с тем и в послевоенной истории Японии можно выделить период, связанный с возрождением национализма – это 70-80-е гг. XX в. В это время на фоне экономических успехов японского государства стали распространяться идеи «нихондзинрон» и «нихон бунка рон» (буквально: 日本人論 (にほんじんろん) – «теории о японцах» и 日本文化論 (にほんぶんかろん) – «теории о японской культуре»), то есть наблюдается развитие своего рода «культурного национализма», объясняющего уникальность и своеобразие японской нации.

Кроме того, ряд российских и зарубежных исследователей отмечают возрождение национализма в Японии и на современном этапе, связывая это с трансформацией национальной идеи Японии соответственно меняющимся внутри- и внешнеполитическим реалиям [2; 4; 5]. Исторический опыт заставляет внимательно наблюдать за процессами, происходящими в Японии в наше время, поскольку идеология национализма находит отражение во внешнеполитическом курсе правительства С. Абэ. Это вызывает опасения у соседей, так как национальная идея в Японии уже проявляла себя с агрессивной, экспансионистской стороны.

Тем не менее нельзя также отрицать роль японского национализма как фактора внутренней консолидации данного народа.

Такой двойственный характер японского национализма и его эволюция в течение XX века объясняют значительный исследовательский интерес к данной проблеме как в самой Японии, так и за рубежом.

В рамках данной статьи основное внимание будет уделено изучению исследовательской литературы периода 90-х гг. XX в. – начала XXI в. Это ограничение необходимо для того, чтобы лучше понять особенности современного периода в осмыслении феномена японского национализма.

Одно из основных направлений в исследовании национализма связано с осмыслением феномена «нихондзинрон». Так называют комплекс представлений и убеждений (не оформленных в строгое учение), главными из которых являются: обостренное сознание национальной идентичности, преклонение перед национальными традициями и традиционным укладом и настороженное отношение к «чужому» (прежде всего, американскому) образу жизни, культурный и языковой изоляционизм [1, с. 27]. Наиболее широкое распространение данный феномен получил в 70-80-е годы, в период максимального экономического роста в Японии, и являлся отражением стремления национального самосознания преодолеть комплекс побежденной и оккупированной страны.

Одной из работ, в которой осмысливается феномен «нихондзинрон» в его связи с историческим прошлым, является исследование Харуми Бефу, почётного профессора антропологии Стэнфордского университета (США), автора нескольких монографий по вопросам национальной и культурной идентичности японцев. В его статье «Символы национализма и нихондзинрон» исследуется связь национальных символов Японии, таких как национальный флаг, национальный гимн, национальная эмблема и национальные ритуалы, с популярностью идей нихондзинрон во второй половине XX в. [6]. По его мнению, запрет на активное использование этих национальных символов в послевоенной Японии, возможно, и привёл к популярности идей нихондзинрон. Поэтому на протяжении 60-80-х гг. XX в., по его словам, идеи нихондзинрон об уникальности японской нации являлись основным проявлением культурного национализма. Таким образом, нихондзинрон является своего рода заменой символам, воплощающим чувство совместной принадлежности и национального единства. Бефу полагает, что в условиях отсутствия национальных символов, которые можно открыто почитать, населению страны требовалась эквивалентная замена, которая служила бы для определения культурной идентичности народа. Такой заменой и послужил дискурс нихондзинрон, быстро ставший популярным в Японии: «В условиях отсутствия главных символов, которые могли бы служить для определения национальной идентичности, выражения национального единства и демонстрации национальной гордости, появление нихондзинрон стало подходящей заменой. Тем не менее эта замена не была достаточно адекватной, поскольку дискурсу нихондзинрон не хватает эмоционального наполнения, которое есть у национального флага и других осязаемых символов» [Ibidem, p. 38]. Таким образом, автор рассматривает одну из традиционных тем исследований о национализме – национальную символику и период оккупации – в сопоставлении с идеологией нихондзинрон, в новом историческом контексте.

Другой автор, Косаку Ёсино, профессор социологии Токийского университета, является автором целого ряда работ, посвящённых проблемам национализма и национальной идентичности в Азии. Её книга «Культурный национализм в современной Японии: социологическое исследование» подразделяется на две части: теоретическую и практическую. В первой части она анализирует феномен «нихондзинрон» как интеллектуальную основу современного японского национализма. Она также рассматривает теоретические аспекты проблем, касающихся этничности, национальной идентичности и культурного национализма. Практическая часть посвящена интерпретации данных проведенного ею социологического исследования. В качестве респондентов выступали работники сферы образования и предприниматели. Обе эти социальные группы, по мнению Ёсино, являются «потребителями» (consumers) идей о японской исключительности.

Особенностью труда К. Ёсино является использование социологического подхода применительно к анализу идей нихондзинрон. Вместе с тем в методологический арсенал данного автора входит и компаративистский подход. По ее мнению, критики теории нихондзинрон делают одинаковое допущение, согласно которому идеи об «уникальности» собственной нации свойственны лишь японцам. Чтобы доказать обратное, она посвящает отдельную главу своей книги сравнительному анализу осмысления специфических национальных особенностей представителями различных стран Европы.

Еще одним аспектом работ Ёсино является рассмотрение ею культурного национализма в Японии периода 70-80-х гг. XX в. в рамках типологии «первичного» и «вторичного» национализма (primary nationalism and secondary nationalism). Под «первичным», или «оригинальным», она понимает национализм, в котором основное внимание уделяется историческому и мифологическому аспектам. Это связано с формированием национальной идентичности, а интерес народа к национальной истории насаждается «сверху», зачастую при влиянии государства и системы обязательного образования, как и было в случае довоенной Японии [11, р. 25]. Национализм же «вторичного» типа, согласно данной типологии, способствует сохранению чувства национальной идентичности в условиях уже сложившейся нации [10, р. 4]. На этом этапе национальная идентичность тесно взаимосвязана с повседневной жизнью нации, и основные ее акценты выражаются в дихотомии «свой – чужой». К. Ёсино характеризует способ аргументации, применяемый в дискурсе нихондзинрон, как культурализм, или культурный детерминизм. Культура в этих теориях рассматривается как инфраструктурный, системообразующий элемент, в то время как события, происходящие в экономической, политической и социальной сферах, объясняются специфическими особенностями уникальной японской культуры, прежде всего японского этоса.

Автор также выделяет два основополагающих концепта, являющихся базовыми для идей о японской уникальности: во-первых, это уникальная модель межличностной коммуникации, в основе которой лежат умолчание, нелогичность, двусмысленность, ситуационная этика и эмоциональность речи. Эта модель противопоставляется в работах по нихондзинрон западной логичной, рациональной и прямолинейной модели межличностной коммуникации; во-вторых, это особенности социальной структуры японского общества, а именно его групповая ориентация, которая, в свою очередь, противопоставляется индивидуализму западного общества.

В более поздней своей статье «Культурализм, расизм и интернационализм в дискурсе о японской идентичности» она отмечает, что эти различия могут трактоваться не только как основание для выделения отличительных особенностей японской культуры, но и как оправдание недопониманию, возникающему в процессе межкультурной коммуникации [11, р. 17].

В размышлениях о групповой ориентации японского общества Ёсино упоминает известные концепции «вертикального общества» (теория социального антрополога Наканэ Тиэ, согласно которой японское общество, в противовес американскому, отличается вертикальной стратификацией, и основными стратами являются не горизонтальные классы, а вертикально организованные группы) и «амаэ» (теория психиатра Дои Такэо, согласно которой чувство созависимости (амаэ) определяет межличностные отношения). В целом она считает, что отношения в японском обществе могут быть корректнее всего определены с помощью термина «межличностность» (interpersonalism).

«Дискуссии о японской уникальности, – пишет Ёсино, – являются дискуссиями об инаковости, но инаковости особенного вида. Японская идентичность представляет собой анти-образ всего чужого и поэтому может быть подкреплена только формированием облика “иного”, а именно Запада (а в предыдущие эпохи – Китая). В общих чертах этничность можно в некотором смысле понимать как символический пограничный процесс организации различий между “ними” и “нами”» [10, р. 8]. По мнению Ёсино, в теориях нихондзинрон для укрепления японской идентичности активно подчеркивается не инаковость «других», а инаковость «себя», т.е. самой японской нации. Согласно её концепции, японская культура, долгое время находившаяся на периферии по отношению к «центральным» культурам, понимается самими японцами как «исключение» из общепринятой «нормы». Помимо культурной аргументации, Ёсино также отмечает важность расового мышления (race thinking / racialism) в дискурсе нихондзинрон. Одной из основ нихондзинрон является, по её мнению, допущение о расовой природе (racial nature) японской идентичности. Во избежание недопонимания автор объясняет, что обращается не к биологической, а к социологической концепции рас, допуская, что понятие «раса» может быть определено как «группа людей, понимающая себя или понимаемая другими группами как отличающаяся от остальных групп на основе врождённых внешних (фенотипических) и генотипических характеристик. Концепт расы не имеет действительной биологической основы и является, в первую очередь, социально сконструированным» [Ibidem, р. 18]. Основываясь на таком допущении, Ёсино выделяет два аспекта расового мышления, присущих трудам по нихондзинрон. Во-первых, это понятие о «японской расе», во-вторых – отношения между расовым и культурным аспектами в процессе формирования японской национальной идентичности.

Что касается взаимосвязи расовой и культурной идентичности, то идеи, которые Ёсино выдвигает в теоретической части своего исследования, находят практическое подтверждение в упомянутом уже социологическом исследовании. Согласно данным опроса, приведённым Ёсино, практически все респонденты, так или иначе, выразили мысль о существенных отличиях японцев от представителей остальных народов. Более того, большинство опрошенных придерживались точки зрения, согласно которой человек, не рождённый японцем, не способен в полной мере понять японский стиль жизни или поведения.

Также, по данным социологического исследования Ёсино, большинство опрошенных использовало фразу «японская кровь» (*nihonjin no chi*, яп. 日本人の血). По мнению респондентов, для живущих в Японии иностранцев (как американцев, отличных от японцев по внешним признакам, так и китайцев и корейцев, похожих на японцев внешне), не имеющих в своём роду предков-японцев, сложно или практически невозможно интегрироваться в японское общество, «стать японцами».

По данным своего исследования, Ёсино делает вывод о неожиданно большей заинтересованности идеями нихондзинрон представителей сферы бизнеса, нежели представителей сферы образования. Исследователь приходит к выводу о важности роли японских компаний в процессе популяризации данных идей. Она отмечает большое влияние, которое оказали японские бизнес-элиты не только на распространение, но и на формирование идей об уникальности японской бизнес-культуры, которая, в свою очередь, стала частью дискурса

нихондзинрон в 70-80-е гг. XX века [11, р. 25-27]. По мнению многих предпринимателей, именно специфика японской деловой культуры, которая, в свою очередь, отражает уникальность национального характера, и стала базовой основой «японского экономического чуда» в указанный период.

Таким образом, мы видим, что в труде Косаку Ёсино теоретический анализ и практическое исследование восприятия идей нихондзинрон населением находятся в глубокой взаимосвязи: модели нихондзинрон, выявленные Ёсино в теоретической части исследования, находят своё подтверждение в данных социологического опроса, проведённого автором среди работников сферы образования и работников сферы бизнеса.

В свете нашей темы следует также отметить сборник статей «Национализмы в Японии» под редакцией Наоко Симадзу, основанный на материалах конференции по проблемам национализма в современной Японии и в Японии Нового времени, проведённой в 2006 году в Университете Кэйо. В материалы сборника входят статьи как западных, так и японских учёных, представляющие собой небольшие исследования, посвящённые разнообразным проявлениям национализма в Японии на отдельных этапах её исторического развития.

Так, Наоко Симадзу в статье «Читая дневники японских военнослужащих: формирование национального самосознания во время русско-японской войны» использует метод интерпретации личных источников. На основе исследования и интерпретации дневников японских солдат, воевавших в русско-японской войне 1904-1905 гг., Симадзу прослеживает процесс формирования у жителей Японии национального самосознания. Учёный считает русско-японскую войну одним из ключевых событий японской истории начала XX в., которое отразилось на осознании японским народом себя как единой национальной общности.

Основной акцент в работе Симадзу приходится на отражении в дневниках японских военнослужащих процесса мобилизации: последовательно интерпретируются этапы призыва на военную службу, прощания с семьями, пути к месту службы и столкновения с «другими» – представителями других народов.

Симадзу прослеживает изменение эмоционального состояния военнослужащих на разных этапах мобилизации, а также старается выяснить, каким образом столкновение с другими народами повлияло на становление национальной идентичности у японских военнослужащих. Последний этап, по мнению учёного, способствовал возникновению психологических границ в сознании военнослужащих не только между Японией и западным миром, но и между японцами и «соседями по региону» – китайцами и корейцами [8, р. 57].

Характерно, что в данном случае автор использует методологию, сложившуюся в западной исторической мысли в ряде направлений, связанных с историко-антропологическим подходом, таких как история повседневности, эгоистория, микроистория. Их объединяет интерес к изучению микромиров, взаимодействия людей в небольших группах, стратегий поведения людей в определенных ситуациях. Этот подход опирается на методику пристального чтения и интерпретации широкого круга источников, в том числе личного характера – писем, дневников, мемуаров, в которых отражается внутренний мир обычного, «маленького» человека [3, с. 180].

Сборник также содержит статью японского учёного Тецуя Такахаси «Национальная политика касательно храма Ясукуни», в которой затрагивается политический аспект проблемы, связанный с посещениями храма бывшим премьер-министром Японии Дзюньитиро Коидзуми и бывшим губернатором Токио Исихара Синтаро. «Проблема Ясукуни» – достаточно традиционная, как и тот подход, который использует Такахаси. Он рассматривает посещения храма Ясукуни известными политическими деятелями не как акт поминовения солдат, чьи имена занесены в списки лиц, почитаемых в храме, но как политический акт признания их заслуг пред Отечеством [9, р. 156]. По мнению Такахаси, акты посещения первыми лицами государства храма Ясукуни можно объяснить высказыванием бывшего премьер-министра Ясухио Накасонэ: «Если мы не будем выражать благодарность павшим, кто же тогда согласится отдавать свои жизни во имя нации?» [Ibidem, р. 159]. Согласно Такахаси, храм Ясукуни играет роль фактора «духовной мобилизации нации» и воспринимается населением не как место, где оплакивают павших, но как место, где их почитают. Таким образом, эта проблема рассматривается автором в контексте политической истории страны как элемент «духовной мобилизации», как это было характерно для многих работ по этой теме во второй половине XX века. В нашем случае важно отметить, что работы с подобной проблематикой появляются и в настоящее время, что показывает: не только культурный, но и политический национализм по-прежнему является темой для осмысления в японской современной историографии.

Другой историк, Ёсико Нозаки, преподаватель Университета Буффало (Государственный университет Нью-Йорка), в рамках монографии «Военная память, национализм и образование в послевоенной Японии, 1945-2007» исследует еще одну проблему, имеющую достаточно долгую историю обсуждения, – унификации официальных японских учебников по истории. Их содержание подвергается критике не только за пределами Японии, но и в самой стране. Ведь даже в одобренных государством учебных пособиях затушёвываются многие эпизоды японской оккупации стран Азии во время Второй мировой войны, что вызывает критику Китая и Кореи [7, р. 24]. Очевидно, данная проблема так же, как и история храма Ясукуни, имеет политический подтекст.

В рамках обсуждения учебников истории Нозаки выделяет несколько случаев обострений дискуссии по поводу их содержания – например, в конце 80-х гг. XX в. в связи с появлением нового учебника по истории для старших школ, который оценивался Советом по проверке учебников Министерства образования как националистический. Тем не менее он был одобрен, и его выход в печать вызвал критику в корейских и китайских СМИ [Ibidem, р. 28]. Однако в целом данная проблема рассматривается историком преимущественно в историческом контексте, как форма общественной рефлексии по поводу национальной памяти, прежде всего в отношении войны.

Касаясь военной памяти, учёный также отмечает, что в 90-е гг. XX в. начинает бурно обсуждаться история «женщин комфорта». Хотя факт их существования никто не отрицал и раньше, до начала 90-х гг. эта тема

мало кого волновала. Однако именно в это время она стала настолько острой, что начала оказывать влияние на двусторонние японо-корейские отношения. Толчком для её появления стали, по мнению Нозаки, демократические и феминистические движения в Южной Корее 80-х гг. XX в.

Основным принципом, использованным автором в процессе исследования, можно назвать принцип историзма – Нозаки рассматривает проблемы в историческом контексте, но подчеркивает их связь с современностью: это как раз тот случай, когда настоящее задает вопросы прошлому, как это постулировалось историками школы Анналов.

В завершение, не претендуя на масштабные обобщения (так как рассмотренными в представленной статье сюжетами вся палитра мнений современных японских историков по данному вопросу, естественно, не ограничивается), можно сделать некоторые предварительные выводы.

В тематическом разнообразии работ о национализме чётко выделяются ключевые сюжеты: нихондзинрон и различные его аспекты – от политических (национальные символы) до культурных и исторических (Бефу, Ёсино); формирование национальной идентичности (Симадзу); политический национализм и отдельные его проявления, влияющие не только на ситуацию внутри страны, но и на отношения Японии с ближайшими соседями по региону (Такахаси, Нозаки).

В рассмотренных работах отмечается широкий спектр исследовательских практик. Так, Ёсино использует компаративистский и социологический метод, а Симадзу демонстрирует в своих исследованиях близость к историко-антропологическим направлениям.

В целом же можно констатировать преобладание культурологического и исторического подходов к разработке проблематики национализма, не лишённого в то же время политической актуальности (дискуссии о храме Ясукуни, о содержании учебников).

Для большинства публикаций характерно сочетание теоретического и эмпирического подходов (исследование личных документов, материалы социологического исследования).

Еще одной отличительной чертой японских авторов является изучение национализма «снизу», с точки зрения его рядовых носителей, потребителей и распространителей (Ёсино, Симадзу). Исследователям важно изучить и понять, как само общество, а не только государство, воспринимает и воспроизводит националистическую идеологию.

Вместе с тем, возможно, именно отмеченный нами плюрализм точек зрения и исследовательских подходов является причиной того, что среди изученных нами работ японских авторов 90-х гг. XX в. – начала XXI в. отсутствует комплексное, обобщающее исследование, в котором идеология японского национализма была бы рассмотрена в исторической ретроспективе и многообразии его проявлений.

Список литературы

1. Алпатов В. М. Япония: язык и культура. М.: Языки славянских культур, 2008. 208 с.
2. Кожевников В. В. Национализм во внешней политике Японии на современном этапе: миф или реальность // Вестник ДВО РАН. 2013. № 1. С. 141-147.
3. Кром М. Отечественная история в антропологической перспективе // Исторические исследования в России – II. Семь лет спустя / под ред. Г. А. Бордюгова. М.: АИРО-XX, 2007. С. 179-202.
4. Крупянко М. И., Арешидзе Л. Г. Японский национализм: идеология и политика. М.: Международные отношения, 2012. 416 с.
5. Крупянко М. И., Крупянко И. М. Новый японский национализм: мифы или реальность? // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2006. № 1. С. 78-91.
6. Befu H. Symbols of Nationalism and Nihonjinron // Cultural Nationalism in East Asia / ed. by H. Befu. Berkeley: Institute of East Asian Studies, University of California, 1992. P. 33-45.
7. Nozaki Y. War Memory, Nationalism and Education in Post-War Japan, 1945-2007. N. Y.: Routledge, 2008. 224 p.
8. Shimazu N. Reading the Diaries of Japanese Conscripts: Forging National Consciousness during the Russo-Japanese War // Nationalisms in Japan. N. Y.: Routledge, 2006. P. 41-65.
9. Takahashi T. The National Politics of the Yasukuni Shrine // Nationalisms in Japan. N. Y.: Routledge, 2006. P. 156-181.
10. Yoshino K. Cultural Nationalism in Contemporary Japan: A Sociological Enquiry. L.: Routledge, 1991. 267 p.
11. Yoshino K. Culturalism, Racialism, and Internationalism in Contemporary Japan // Making Majorities: Constituting the Nation in Japan, Korea, China, Malaysia, Fiji, Turkey, and the United States. Stanford: Stanford University Press, 1998. P. 13-30.

IDEOLOGY OF NATIONALISM IN JAPANESE HISTORIOGRAPHY OF THE LATE XX – EARLY XXI CENTURY

Soskovets Lyubov' Ivanovna, Doctor in History, Associate Professor
Gur'eva Irina Yur'evna
Bulakhova Natal'ya Mikhailovna
National Research Tomsk Polytechnic University
regionoved@mail.ru

The article identifies the dominant tendencies in the understanding of the phenomenon of nationalism in modern Japanese historiography and conducts the comparative analysis of different approaches to the study of this topic. The paper also analyzes methodological tools used by the authors of the works under study and their cognitive scope. This allows tracking and analyzing the peculiarities of the understanding of the phenomenon of nationalism in Japan by scientists working in different scientific fields at present.

Key words and phrases: nationalism; cultural nationalism; nihondzinron; historical memory; national identity; comparative approach.